

Народный артист Казахстана

САМОЛЕТ вылетел из Алматы ночным рейсом, и вскоре в пассажирском салоне установилась тишина, нарушаемая лишь ровным гулом двигателей. Василий Яковенко на минуту задумался: в который же это раз он покидает «город яблонь»? Нет, не сосчитать... Он закрыл глаза и представил себе, как мерцающее внизу зарево электрических огней быстро опускается на самое дно долины и белые вершины гор отступают назад. От этого расставания стало немного грустно, как и тогда, когда он в составе группы артистов республики в дни Советского Казахстана вылетел в Венгрию, Швецию, Финляндию, Англию, Францию, отпоявлялся на декады Казахстана в Узбекскую ССР и Москву, на гастроли во Фрунзе, Ташкент, Казань, Одессу, Киев... Вот и сейчас началась очередная гастрольная поездка, а он уже знал, что возвратившись, снова удивится красоте гор, долин и озер, проспектам, фонтанам и садам столицы Казахстана, ставшей для него вторым родным домом.

Но тут ниточка памяти потянулась назад, через годы, и он увидел маленький, побеленный заботливыми руками матери домик, кружевное цветение вишен, а в огороде — золотые головы подсолнухов и зеленые стрелы кукурузы. Над тихим ставком дремлют старые осокоры, а к вечеру о чем-то начинают шептаться с ветром камыши. А позже... Ничья мясницкая, зоряная, ясная.

Видно, хоч голки збирай... Эту песню любили петь мать и отец, а он и шестеро его братьев и сестер слушали, затаив дыхание. Потом Василий забирался в папсадик и тоже пел — народные песни и услышанные по радио мелодии, и ясный, высокий голос мальчишка далеко разносился над тихим украинским селом Рубанка.

Сколько Василий себя помнит, он не расставался с песней. Конечно, как и все мальчишки, он любил играть в футбол, ходить на рыбалку, в лес за грибами и ягодами. Но лучшие в его мальчишеской жизни минуты наступали, когда он выходил на самостоятельную сцену и начинал петь. Было много концертов, выступлений. И на одном из смотров художественной самодеятельности Сумской области одаренного юношу заметила комиссия Харьковской консерватории по подбору «родных талантов» и порекомендовала ему учиться в музыкальном училище.

Так Василий Яковенко ступил на первую ступень, ведущую к вершинам профессионального мастерства. И повеле по этому пути, давая направление в работе педагога по вокалу харьковского музыкального училища Ирина Андреевна Мельцер-Дьякова, о которой он и сегодня вспоминает с

особым теплом и любовью. Закончив с отличием училище и выдержав все три вступительных тура, молодой певец становится студентом Московской консерватории. Здесь он — ленинский стипендиат и активный участник всех событий общественной жизни — вступает в члены КПСС.

Пришла пора расставаться с Москвой. Оперные театры страны ждали выпускников консерватории. Куда взять направление? Помнится, подошел к нему тогда главный дирижер Алма-Атинского театра имени Абая Фуат Мансуров (ныне дирижер Большого театра СССР) и пригласил троих выпускников: Василия Яковенко, Евгения Исакова и Сауле Курмангалиеву в Алма-Ату. Так с 1964 года Казахстан стал для В. Яковенко новым домом.

Сразу же включился в работу, начал входить в репертуар. И здесь молодому солисту в его становлении как оперного певца помогли старшие товарищи — народные артисты Советского Союза Ермек Серкебаев и Роза Джаманова.

Много думал Василий Яковенко над тем, как добиться сценической правды. И всегда вспоминал слова Федора Ша-

ляпина: «Артист-певец должен вылепить роль так, как ваятель статую, заботясь и о художественном целом и о деталях. Он должен в музыке, в тексте и сценической ситуации произведения найти все черты образа, а затем, используя свое знание жизни и интуицию, воплотить характер, то есть найти его реальное выражение».

И еще одну возможность перевоплощения мы увидели в опере «Флория Тоска», где В. Яковенко исполнил партию Каварадосси. В ней он мастерски сумел передать восторженное чувство художника — упоение красотой, нежность и взволнованную страсть к своей возлюбленной, и торжествующую уверенность в правоте дела итальянских революционеров. Но самой впечатляющей оказалась знаменитая предсмертная ария Каварадосси с ее отчаянием и скорбью «Мой час настал, и вот я умираю... Но никогда я так не жаждал жизни!» Партия Каварадосси — премьерная для певца, а значит, поиск новых ролей будет продолжаться.

Премьерой нынешнего юбилейного года стала опера Моцарта «Дон-Жуан», в которой В. Яковенко поет партию Дона Оттавио. И снова неустанные поиски, творческое беспокойство — так, очевидно, будет всегда. Ведь этого требует преданность искусству.

Л. ЛОЦМАН,
наш корр.

ТЕАТР

ляпина: «Артист-певец должен вылепить роль так, как ваятель статую, заботясь и о художественном целом и о деталях. Он должен в музыке, в тексте и сценической ситуации произведения найти все черты образа, а затем, используя свое знание жизни и интуицию, воплотить характер, то есть найти его реальное выражение».

Не потому ли так любит Василий Яковенко выступать с концертами в больших и малых городах, в целинных зонах и шахтерских поселках, потому что ему нужно без театральных кулис, без грима и оперного костюма заставить зрителей поверить в сценическую выразительность создаваемых им образов. Сколько волнения и взаимного тепла принесли ему выступления на рабочих предприятиях Парижа, среди английских шахтеров в Уэллсе!

Любимые партии? Их много, почти все, поскольку ко всем своим работам он относится с полной ответственностью. В репертуаре певца Ленский, Князь («Русалка»), Хозе, Радмес, Канио, Пинкертон, Дон Карлос, Ричард («Бал-маскарад»), Грицько («Сорочинская ярмарка»), Герман Самозванец, Каварадосси.

В 1967 году Василию Яковенко присваивают звание заслуженного артиста Казахской ССР. А 1970 год принес еще одну почетную награду. В опере Юрия Мейтуса «Братья Ульяновы» постановка которой в театре была посвяще-

на 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, В. Яковенко спел партию Александра Ульянова. В числе других артистов, исполнивших заглавные партии в опере, он был удостоен звания лауреата Государственной премии Казахской ССР. Открытием национального казахского искусства стала для певца роль народного героя Естая в опере Рахмадиева «Степное зарево».

И вот Василий Яковенко поет перед шевченковскими любителями театрального и вокального искусства. Поет и заставляет забыть о том, что мы находимся в зрительном зале, так захватывает нас его вокальное и актерское мастерство.

Вдохновенно создает артист образ Ленского. Голос певца — лирико-драматический тенор — поражает своей глубиной и силой звучания. Он отличается не только гибкостью и бархатным тембром, но и удивительной кантиленностью дыхания, богатством его выразительных возможностей. Очень красиво и интонационно прозвучал заключительный дуэт Ленского и Онегина.

Затем мы узнали другого Яковенко в роли Пинкертон и по достоинству оценили мужественные, волевые черты «скитальца-янки», вначале пылкого и увлеченного своей Баттерфляй, а затем полного раскаяния и грусти.

Канио, каким его увидел В. Яковенко, — это ступень боли и горечи обманутых надежд, обиды и внезапно проявившейся ярости. Вначале в голосе певца звучат насмешливые, ироничные нотки, затем они уступают место взволнованной, искренней лирике. Все три ариозо Канио певец исполняет с глубокой скорбью, и все его движения так же сдержанны, как и чувства, которые он пытается скрыть.

247